

ДОКТОР С ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ

Этот невероятный случай произошел во время моего третьего визита к психоаналитику-иностранцу по имени Густав фон Зайфертиц.

Еще до того, как прогремел тот загадочный взрыв, мне следовало бы обо всем догадаться.

Недаром психиатр носил странное, вернее сказать иностранное, имя, как, кстати, исполнитель роли верховного жреца в кинокартине 1935 года «Она» — высокий, поджарый красавец со зловецим, конечно же орлиным профилем.

В фильме «Она» этот великолепный злодей шевелил костлявыми пальцами, извергал проклятия, вызывал желто-зеленое пламя, лишал жизни рабов и насылал на мир землетрясения.

После этого, уже «на свободе», он разъезжал в трамвае по Голливудскому бульвару, невозмутимый, словно мумия, и безмолвный, как одинокий телеграфный столб.

О чем это я? Ах, да!

Для меня это был *третий* сеанс. В то утро психиатр позвонил мне сам и завопил:

— Дуглас, черт тебя дери, сукин сын, ты собираешься на кушетку или нет?

Имелось в виду не что иное, как ложе позора и унижения, на котором я корчился от предполагаемого комплекса еврейской вины и северо-баптистского стресса, тогда как психоаналитик время от времени бормотал себе под нос: «Махровый бред!», или «Идиотизм!», или «Убить тебя мало!».

Как видите, Густав фон Зайфертиц был весьма необычным специалистом по *минным полям*. По минным полям? Да-да. Твои проблемы — это минные поля у тебя в голове. *Шагай* по ним вперед! Военно-шоковая терапия, как он сам однажды выразился, с трудом подбирая слова.

— Блицкриг? — подсказал я.

— *Ja!* — отозвался он с акульей ухмылкой. — Точно!

Итак, я в третий раз посетил его своеобразный, обитый металлом кабинет с округлой дверью, запиравшейся на немыслимую систему замков. Я бред, пошатываясь, над темной пучиной и вдруг почувствовал, как доктор окаменел у меня за спиной. Словно в предсмертной судороге, он втянул в себя воздух и тут же выдохнул его с таким воплем, от которого у меня волосы поседел и встали дыбом:

— Погружение! Погружение!

Я погрузился.

Опасаясь, что кабинет вот-вот столкнется с гигантским айсбергом, я скатился на пол, чтобы в случае чего забиться под кушетку на львиных лапах.

— Погружение! — выкрикнул старикан.

— Погружение? — шепотом переспросил я, глядя снизу вверх.

И увидел, как надо мной поднимается, исчезая в потолке, перископ субмарины, поблескивающий надраенной медью.

Густав фон Зайфертиц словно не видел ни меня, ни потертой кожаной кушетки, ни исчезнувшего медного агрегата. Совершенно хладнокровно, как Конрад Вейдт в «Касабланке» или Эрих фон Штрохайм, дворецкий в «Сансет-бульваре»... он...

...закурил сигарету, и в воздухе зазмеились каллиграфические письма (его инициалы?).

— Итак, ты сказал?.. — произнес он.

— Нет, — возразил я с пола, — это вы сказали. Погружение?

— Я такого не говорил, — фыркнул он.

— Извините, но вы ясно сказали: погружение!

— Не может быть. — Изо рта у него снова вырвалась пара затейливых струек дыма. — У тебя галлюцинации. Почему ты уставился в потолок?

— Да потому, — ответил я, — что в потолке пробит люк, если, конечно, это не очередная галлюцинация, а за ним спрятан девятифутовый медный перископ немецкой фирмы «Лейка»!

— Послушать только, что несет этот юнец, — процедил фон Зайфертиц, обращаясь к своему альтер эго, которое неизменно присутствовало на его сеансах в качестве третьего участника. Как только доктор переставал обливать меня презрением, он принимался бросать ремарки себе самому. — Сколько порций мартини ты влил в себя за обедом?

— А вот этого не надо, фон Зайфертиц. Я пока еще не путаю сексуальные фантазии с перископом. Ровно минуту назад потолок заглотил длинную медную трубку, верно?!

Фон Зайфертиц взглянул на свои огромные часы весом с фунт, понял, что обязан уделить мне еще полчаса, со вздохом бросил сигарету на пол и затоптал начищенным ботинком, а потом щелкнул каблуками.

Вам доводилось слышать звук мяча, отбиваемого настоящим профи, таким, например, как Джек Никлаус? *Бамм!* Ручная граната!

Именно такой звук издали штиблеты моего германского друга, когда он щелкнул каблуками в знак приветствия.

Кр-р-рак!

— Густав Маннергейм Аушлиц фон Зайфертиц, барон Вольдштайн, к вашим услугам! — Он понизил голос — *Unterdersea-лодка...*

Я думал, он скажет «Doktor». Но нет:

— *Unterdersea-лодка*, командир.

Собрав последние силы, я поднялся с пола.

Еще раз *Кр-р-рак!* — и...

Перископ как ни в чем не бывало заскользил с потолка вниз, такой безупречной фрейдистской сигары я не видел ни до, ни после.

— Такого не бывает, — вырвалось у меня.

— Я тебе когда-нибудь *лгал*?

— Сто раз!

— Ну уж, — он повел плечами, — разве что самую малость, для пользы дела.

Шагнув к перископу, он рывком опустил две рукояти, зажмурил один глаз, другим жадно припал к окуляру и стал медленно обшаривать видоискателем кабинет, кушетку, а потом и меня.

— Первая, огонь! — раздалась команда. Вроде бы я даже услышал пуск торпеды.

— *Вторая*, огонь! — приказал он.

И в бесконечность устремился еще один неслышный, невидимый снаряд.

Меня швырнуло на кушетку, словно от прямого попадания.

— У вас, у вас! — бессвязно повторял я. — Это! — Мой палец ткнул в сторону медного прибора. — Тут. — Рука похлопала по кушетке. — Почему?!

— Сидеть, — скомандовал фон Зайфертиц.

— Сижу.

— Лежать.

— Что-то не хочется, — выдавил я.

Фон Зайфертиц повернул перископ так, чтобы видоискатель, зафиксированный под углом, глядел на меня в упор. В этой остекленелой холодности сквозило злое сходство с ястребиным взглядом самого хозяина.

Голос, звучавший из-за перископа, отдавался эхом.

— Надо понимать, ты спрашиваешь, э-э-э, как вышло, что Густав фон Зайфертиц, барон Вольдштайн, покинул холодные океанские глубины, бросил дорогой его сердцу боевой корабль, бороздивший Северное море, оставил разбитое,

униженное отечество и превратился в доктора с *Unterdersea*-лодки...

— Раз уж вы упомянули...

— Я никогда ничего не упоминаю! Я заявляю. А мои заявления — это боевые приказы.

— Похоже на то...

— Молчать. Откинуться на спину.

— Немного погодя... — Я еле ворочал языком.

Он щелкнул штиблетами, а пальцы правой руки пауком поползли в верхний карман пиджака, чтобы извлечь еще один, четвертый, глаз и с его помощью окончательно пригвоздить меня к месту, — поблескивающий тонкий монокль вписался в глазницу, как крутое яйцо в рюмку.

Меня передернуло. Теперь монокль составлял единое целое с его взглядом и обстреливал меня ледяным огнем.

— Это еще для чего? — спросил я.

— Болван! Для того, чтобы закрыть *зрячий* глаз, чтобы не видеть *ни одним* глазом и высвободить интуицию!

— Вот оно что, — сказал я.

И он начал свою речь. Тогда до меня дошло, что он долгие годы сдерживал, подавлял эту потребность и теперь уже не мог остановиться, начисто забыв обо мне.

Кроме того, в ходе этого монолога произошла странная штука. Пока я кое-как поднимался с кушетки, герр *Doktor* фон Зайфертиц стал ходить по кабинету кругами, а его длинная, тонкая сигара выпускала перистые облачка дыма, которые он изучал, словно белые пятна в тестах Роршаха.

Каждый раз, когда его подошва касалась пола, он произносил очередное слово, которое укладывалось вместе с другими в тяжеловесную конструкцию. Время от времени он останавливался, и тогда одна нога застывала в воздухе, а очередное слово оставалось за зубами, чтобы можно было его повернуть во рту и распробовать на вкус. Вскоре подошва опускалась, с языка слетало подлежащее, немного погода — сказуемое, а за ним, глядишь, и дополнение.

И так до тех пор, пока я сам, покружив по кабинету, не рухнул в кресло, потеряв дар речи от увиденного.

Герр *Doktor* фон Зайфертиц вытянулся на собственной кушетке, сплетя на груди паучью сеть из своих длинных пальцев.

— Не так-то просто списаться на берег — прошелестел он. — Бывало, ощущал себя как медуза на снегу. Или как осьминог, выброшенный из воды, но хотя бы со щупальцами, а то и как лангуст, из которого высосали все соки. Однако за долгие годы я обрел хребет, затесался в сухопутную толпу и отступать не собираюсь.

Он сделал паузу, судорожно глотнул воздуха и продолжал:

— Двигался я шаг за шагом: из морской пучины — на баржу, потом в сторожку на пристани, оттуда — в палатку на пляже, потом на какой-то городской канал и, наконец, в Нью-Йорк, ведь это остров среди воды, так? Но где же, спрашивал я, где в этих скитаниях найдет себе место командир подводного корабля, куда приложит свои силы,

одержимость, жажду деятельности?.. Ответ пришел в одночасье, когда я очутился в здании, что известно на весь мир самой протяженной шахтой лифта. Кабина спускалась ниже, ниже и ниже, мимо меня протискивались все новые люди, номера за стеклом убывали, этаж мелькал за этажом, огни загорались и гасли, загорались и гасли, сознательное, бессознательное, *id, ego, id*, жизнь, смерть, блуд, взрыв, блуд, тьма, свет, полет, паденье, девяносто, восемьдесят, пятьдесят, необъятная бездна, вершина ликования, *id, ego, id* — и так без остановки, пока у меня из воспаленного горла не вырвался этот великий, всепроникающий, панически-неотвязный клич: «Погружение! Погружение!»

— Как же, слышал, — подтвердил я.

— «Погружение!» — мой возглас был столь оглушителен, что попутчики остолбенели и дружно напрудили в штаны. Когда я выходил из лифта, меня провожали перекошенные физиономии, а на полу стояла лужа глубиной в одну шестнадцатую дюйма. «Всех благ!» — бросил я, торжествуя обретение себя, и очень скоро занялся делом: открыл частную практику, а потом установил снятый с искалеченного, разграбленного, оскопленного корабля перископ, хранившийся у меня все эти годы. Глупец, я и не подозревал, что в нем — моя психоаналитическая будущность и окончательный крах, это мое лучшее творение, медный фаллос психоанализа, Перископ Девятого Класса, собственность фон Зайфertiца!

— Потрясающая история, — сказал я.

— Еще бы! — фыркнул доктор, смежив веки. — И по меньшей мере наполовину правдивая. Ты внимательно слушал? Что ты из нее вынес?

— Что другим командирам подводных лодок тоже не вредно податься в психиатры.

— Вот как? Я частенько задумываюсь: неужели капитан Немо и впрямь сгинул вместе со своей субмариной? Может, ему суждено было уцелеть и стать моим прадедом, может, он передал потомкам свои психологические бактерии, которые просто дремали, пока в этот мир не пришел я, желавший управлять потаенным механизмом глубинных течений, но закончивший шутовскими сеансами по пятьдесят минут в этом унылом психопатическом городе?

Выбравшись из кресла, я потрогал фантастический медный символ, который свисал из середины потолка, словно лабораторный сталактит.

— Можно в него посмотреть?

— Не советую. — Он слушал вполуха, объятый свинцовой тучей депрессии.

— Но перископ есть перископ, и только...

— ...А добрая сигара — наслажденье.

Вспомнив, что говорил о сигарах Фрейд, я рассмеялся и еще раз дотронулся до перископа.

— Не советую, — повторил доктор.

— Послушайте, какой прок от этой штуковины? Она у вас хранится только в память о прошлом, о вашей подлодке, верно?

— Ты так считаешь? — Он вздохнул. — Тогда вперед!

Помедлив, я зажмурил один глаз, другим припал к окуляру и вскричал:

— Боже праведный!

— Я предупреждал! — сказал фон Зайфертиц.

Все они были там.

Кошмары — хватило бы на тысячу киноэкранов.
Призраки — хватило бы на десять тысяч замков.
Тревоги — хоть круши города.

Ну и ну, подумал я, можно по всему миру торговать правами на экранизацию!

Первый в истории психопатологический калейдоскоп.

И тут же в голову пришла другая мысль: какие из этих картинок составляют меня самого? Какие — фон Зайфертица? Или нас обоих? Есть ли среди этих причудливых образов мои навязчивые страхи, выплеснутые наружу за прошедшие недели? Неужели, когда я, закрыв глаза, говорил и говорил, у меня изо рта вырывались сонмы крошечных тварей, которые, попадая в отсеки перископа, вырастали до невероятных размеров? Как микробы на волосках бровей и в порах кожи, увеличенные в миллион раз под микроскопом и запечатленные на обложке «Сайентифик Америкэн», где они больше похожи на стадо слонов? Откуда взялись эти образы — из чьих-то изломанных душ, которые цепко держала кожаная кушетка и ловил подводный прибор, или же из-под *моих* ресниц, из глубин души?

— Такому аппарату цена — миллионы долларов! — вскричал я. — Вы сами-то понимаете, что это за штука?

— Здесь целая коллекция: тарантулы, ядовитые ящерицы, полеты на Луну без крыльев-паутинок, игуаны, жабы изо рта злой колдуньи, бриллианты из ушка доброй феи, калеки из театра теней на острове Бали, деревянные куклы из каморки папы Карло, статуи мальчиков, которые мочатся белым вином, воздушные гимнасты со своим похотливым «алле-оп», непристойные жесты, клоуны в дьявольском обличье, причудливые каменные маски, что болтают под дождем и шепчутся на ветру, бочонки отравленного меда в закромах, стрекозы, что зашивают все отверстия на теле тех, кому стукнуло четырнадцать, дабы их не замарала скверна, пока они не распорют швы, достигнув восемнадцатилетия. Обезумевшие ведьмы в башнях, мумии, сваленные на чердаках...

Тут у него перехватило дух.

— В общем, идея тебе ясна.

— Муть, — сказал я. — Это все от скуки. Но могу протолкнуть для вас контракт миллионов этак на пять в «Шизо Амалгамейтед, эл-те-де». А то и в «Корабль фантазий Зигмунда Ф.», с раздвоением личности!

— Ты ничего не понимаешь, — сказал фон Зайфертиц. — Я просто нашел себе занятие, чтобы не думать о тех, кого взорвал, подбил, отправил на дно Атлантики в сорок четвертом. Киностудия «Шизо Амалгамейтед» — это не помоей части. Мне достаточно содержать в порядке ногти, чистить уши да выводить пятна с денежных мешков вроде тебя. Стоит только остановиться — и от меня останется мокрое место. В этом перископе собралось все,